

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ФЕНОМЕНОВ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» И «СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

© 2013 Р. А. Ромашов

Аннотация. В данной статье анализируются проблемы понимания преступления и субъекта преступления в юридической науке. Объединение этих понятий осложняет юридическую квалификацию преступлений и снижает эффективность уголовно-процессуальных отношений.

Ключевые слова: преступление, субъект преступления, квалификация деяния, уголовно-процессуальные отношения.

THE QUESTION ABOUT THE UNDERSTANDING OF PHENOMENA OF «CRIME» AND «PERPETRATOR» IN CONTEMPORARY RUSSIAN JURISPRUDENCE

© 2013 R. Romashov

Summary. The author analyzes the problems of understanding of the notions «crime» and «perpetrator» in jurisprudence in this article. The combining of these concepts does more difficult the legally qualification of crimes and reduces the efficiency of the criminal procedural relations.

Keywords: the crime, the perpetrator, qualification of criminal act, criminal procedural relations.

Понимание преступления является одной из ключевых проблем юридической науки. В отечественной правовой науке выделяется два вида противоправных деяний: преступление и проступок. При этом за основу отнесения деяния к числу преступных принят формально-юридический критерий, а именно квалификация деяния в качестве преступления, даваемая уголовным законом (Уголовным кодексом).

По мнению Л. И. Спириданова, «недостатки концепции, объявляющей юридическую оценку решающим фактором превращения поступка индивида в преступление, налицо. Признание деяния криминальным лишь в силу его запрещения уголовным законом означает, что авторы этого тезиса отрицают социальную обусловленность посягательств на общественный порядок и объективное существование преступного вне и независимо от всякого сознания, в том числе и от сознания и воли законодателя. Такое отрицание создает иллюзию, что капитализм (то есть политико-экономический режим = капиталистической законности) в состоянии ликвидировать или, во всяком случае, существенно сократить число правонарушений, не затрагивая социально-экономических основ буржуазного общества. Для этого достаточно усовершенствовать уголовное законодательство, содержание которого, с точки зрения рассматриваемой концепции, не задано основным производственным отношением, а определено волеизъявлением государства; поступок индивида является преступным не потому, что он посягает на господствующий порядок общественных отношений, может причинить им вред и, стало быть, социально опасен, а потому, что официально провозглашается таковым. В конце концов, это приводит к признанию примата права над преступлением и к утверждению, что уголовный закон первичен по отношению к противоправному деянию».

Если считать, что преступник и в научном плане – только тот, кто признан таковым вступившим в законную силу приговором суда, то, во-первых, вне поля зрения исследователя останутся все те, кто, совершив преступление, к уголовной ответственности официально не привлекался... Во-вторых, в предмет изучения, напротив, попадают люди, ошибочно привлекавшиеся к уголовной ответственности»¹.

Процитированное положение позволяет говорить о необходимости пересмотра дефиниции преступления, являющейся основополагающей догмой уголовного права: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания»².

По мнению Л. И. Спирионова, основным фактором, положенным в основу юридической квалификации деяния в качестве преступления, является его общественная опасность. При этом следует иметь в виду, что преступление столь же объективно, как и право, поскольку сам факт установления запрета предполагает потенциальную возможность его нарушения. Такое видение позволяет рассматривать преступление в качестве самостоятельного социального явления, существующего вне непосредственной связи с государством и национальным уголовным законом. Высказанная гипотеза представляет особую важность для юридической квалификации преступлений, совершаемых не только физическими лицами, но и коллективными субъектами, в том числе и самими государствами (агgressивная война, геноцид и т.п.).

Соглашаясь с Л. И. Спирионовым в том, что основным критерием квалификации деяния в качестве преступного должна быть его общественная опасность, представляется возможным предложить следующую дефиницию. *Преступление – это деяние, представляющее общественную опасность, влекущее наступление вредоносных последствий, запрещенное действующим уголовным законом под угрозой наказания.*

В предлагаемом определении основной акцент делается на общественной опасности и вредоносных последствиях преступного деяния, что же касается его юридической квалификации в качестве состава преступления, то данная характеристика выступает в качестве производной от вышеназванных факторов. Если согласиться с прозвучавшей дефиницией преступления, то получается, что законодатель, определяя перечень составов и устанавливая вид и меру уголовной ответственности, предусмотренной за совершение того или иного преступления, не создает правовую норму, а лишь «открывает» ее, выделяя из совокупности других социальных норм, придавая юридическую форму и включая в текст уголовного закона (УК). А если это так, то преступность столь же динамичная система, что и право. Развитие и совершенствование общественных отношений неминуемо влечет совершенствование «кriminalной культуры», что в свою очередь обусловливает необходимость переосмыслиния критериев юридической оценки общественной опасности деяний, квалифицируемых законодателем как преступные.

Как это ни парадоксально, но в действующем УК России отсутствует дефиниция субъекта преступления. Глава 4 «Лица, подлежащие уголовной ответственности» содержит характеристику уголовно-правовой дееспособности индивидуальных субъектов. Глава 7 «Соучастие в преступлении» содержит определение понятия соучастия в преступлении как «умышленного совместного участия двух или более лиц в совершении умышленного преступления». Вместе с тем законодательного определения участника (субъекта) преступления Кодекс не дает.

Используя метод аналогии, можно сформулировать следующее определение: «Субъект преступления – это обладающее уголовно-правовой дееспособностью физическое лицо, совершающее (совершившее) преступное деяние и обязанное понести уголовно-правовую ответственность». Получается, что понятие субъекта преступления совпадает с понятием субъекта уголовно-правовой ответственности. Вместе с тем очевидно, что преступление и уголовно-правовая ответственность, являясь детерминирующими факторами, вместе с тем не находятся в объективной взаимной обусловленности. Представляя собой самостоятельные правовые циклы, преступление и правоотношение юридической ответственности характеризуются различной юридической формой (структурой) и содержанием. Как уже отмечалось, не всегда человек, совершивший преступное деяние, предстает перед судом, равно как и суд не всегда выносит обвинительные приговоры в отношении действительно виновных лиц.

Структура преступления представлена отношением субъектно-объектного типа: лицо, совершающее преступное деяние, – объект преступного посягательства (охраняемые права и интересы индивидуальных и коллективных субъектов). В свою очередь структура правоотношения – это связь и взаимодействие двух и более субъектов, урегулированное и охраняемое правом. Содержанием правоотношения являются корреспондирующие права и обязанности, реализуемые субъектами в ходе правоотношения. А содержанием преступления является факт преступного деяния, выраженного в форме неисполнения обязательства либо нарушения запрета.

Анализ содержания категории «субъект преступления» позволяет разграничивать две относительно самостоятельные субстанции: «субъект совершения преступления» и «субъект уголовно-правовой ответственности за преступление». При этом носители названных субстанциональных статусов вовсе не обязательно совпадать. Фактически лицо становится «субъектом совершения преступления» с момента осуществления преступного деяния. Вместе с тем в законодательстве закрепляется положение, в соответствии с которым лицо может быть признано виновным в совершении преступления (и понести определенные санкции соответствующих норм негативные последствия) не иначе как по вступившему в законную силу приговору суда. Получается, что с юридической точки зрения человек в момент совершения преступления преступником в формальном смысле не является, так как на момент преступного деяния отсутствует и постановление о возбуждении уголовного дела, и решение суда о признании индивида виновным в совершении преступления.

Чтобы разрешить отмеченные противоречия, следует качественным образом переосмыслить содержание категорий «преступление» и «субъект преступления». Для этого необходимо сформулировать дефиницию преступления.

Переосмысление понятия «преступление» неизбежно влечет изменение подходов к пониманию его субъектного состава. Прежде всего следует отказаться от общей категории «субъект преступления» и заменить ее двумя самостоятельными понятиями – «субъект совершения преступления» и «субъект уголовно-правовой ответственности». В первом случае речь идет о лице (как индивидуальном, так и коллективном), чьи противоправные действия (бездействие) представляют серьезную общественную опасность, влекут наступление существенных вредоносных последствий и затем квалифицируются государством как преступление.

Преступление является юридическим фактом (но не правоотношением), с наступлением которого связано возникновение правоотношений уголовно-правовой ответственности. Данные отношения регламентируются нормами уголовного процессуального права, представляют собой особый вид правоприменительных властеотношений и характеризуются сложным субъектным составом, предполагающим наличие трех сторон (обвинения, защиты, правосудия), которые в свою очередь могут быть представлены субъектами – носителями различных процессуальных статусов (представители государственных правоохранительных/судебных органов, лица, обвиняемые в совершении преступления, пострадавшие, адвокаты, свидетели, эксперты и т.д.), реализующих в уголовном процессе различные субъективные интересы.

Получается, что субъект совершения преступления и субъект уголовно-правовой ответственности – это разные по смыслу категории, объединение которых в одной формальной конструкции «субъект преступления» носит эклектический характер и серьезным образом как осложняет юридическую квалификацию преступлений, так и снижает эффективность уголовно-процессуальных отношений, направленных на установление виновности лиц, обвиняемых в совершении преступлений, а также определение вида и меры ответственности за них.

¹ Спиридов Л. И. Социология уголовного права // Избранные произведения: Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института права им. принца П. Г. Ольденбургского, 2002. – С. 232–233.

² Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Омега-Л., 2013. – Ч. 1. – Ст. 14.